

К ПАМЯТНЫМ ДАТАМ

Л. В. КОРОБИЦЫНА

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛИТИКИ УМИРОТВОРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена особенностям интерпретации политики умиротворения 1930-х гг. в современной британской исторической науке. Автор делает вывод, что британская историография отходит от апологетики и критики умиротворителей в сторону изучения таких проблем, как передача и трансформация исторической памяти, поиск консенсуса между разными национальными традициями трактовки предвоенных лет и внедрение междисциплинарных методов исторического исследования.

Ключевые слова: политика умиротворения, происхождение Второй мировой войны, историческая память, концепция «виновники», Н. Чемберлен, ревизионизм

Традиционно изучение политики умиротворения занимало особое место в британской исторической науке, будучи одной из наиболее дискуссионных и политически значимых проблем. Формирование подходов к интерпретации предвоенной международной политики Н. Чемберлена началось с момента вступления Великобритании во Вторую мировую войну. Политические противники умиротворителей во главе с У. Черчиллем заложили основу для концепции «виновники» (*'guilty men'*), согласно которой одной из главных причин начала войны была череда дипломатических просчетов и уступок в отношении Германии, активно наращивавшей силу для военной экспансии в Европе. В 1960-е в связи с выходом в свет книги А.Дж.П. Тейлора «Происхождение Второй мировой войны» возникла необходимость в пересмотре этой концепции. Начиная с середины 1970-х ревизионизм стал реальной силой, выступая в защиту умиротворителей в противовес ортодоксам. Дебаты между сторонниками двух подходов нашли отражение на страницах многих научных журналов [2; 9; 23; 25] и тематических сборников [3; 19; 20; 21], однако не привели к победе той или иной концепции.

Вплоть до 2000-х гг. борьба ревизионистов и ортодоксов не теряла актуальности во многом благодаря биографическим исследованиям Р.А.К. Паркера «Чемберлен и умиротворение» и «Черчилль и умиротворение», которые реанимировали концепцию «виновники». В этих работах Паркер утверждал, что действия Н. Чемберлена были изначально ошибочными и ослабили позиции Великобритании на международной арене: «В противовес широко распространенному мнению умиротворение никогда не стремилось к “миру любой ценой”. Это был комплексный и смертельно опасный дипломатический акт, иными словами, – “война нервов”» [13: 127]. Сопоставив программы по выходу из между-

народного кризиса конца 1930-х, предложенные Чемберленом и его оппонентами, Паркер пришел к выводу, что Европа могла избежать крупномасштабного конфликта, если бы у власти был Черчилль, предлагавший ослабить позиции Гитлера посредством заключения двусторонних договоров с рядом европейских государств [13: ix]. Тем не менее, Паркер признал: «Цели Чемберлена и Черчилля были идентичными. Оба стремились к сохранению независимости Британии и всей империи в целом, однако их методы были абсолютно разными» [13: 259].

Первую попытку пересмотра критического подхода к личности Чемберлена осуществил историк-ревизионист Дж. Чармлей в 1989 г. в книге «Чемберлен и потерянный мир». Автор утверждал, что план по выходу из международного кризиса, реализованный умиротворителями, был единственным шансом для Британии избежать войны. В 2006 г. в свет вышли два биографических исследования Р. Селфа и Г. Маклина, ставшие реальным противовесом ортодоксальным работам Паркера. Книга «Невилл Чемберлен» Р. Селфа [16] является ярким примером классической биографической работы, раскрывающей в равной степени личностные и профессиональные качества политика. По мнению ученого, Чемберлен, хотя и создавал образ упряма, в действительности был человеком чувствительным и глубоко сопереживающим, о чем свидетельствовала его многочисленная корреспонденция с ближайшим окружением и родными, особенно с сестрой: «Вне всяких сомнений, уйдя в отставку или умерев в 1937 г., а не тремя годами позже, Чемберлен вошел бы в историю как великий политик мирного времени, радикальный, но реалистичный реформатор, невероятно талантливый администратор и движущая сила многих недооцененных успешных преобразований начала и середины 1930-х гг. Вместо этого в возрасте 68 лет он стал премьер-министром и остался в памяти потомков как “яркий пример лидера не справившегося с событиями происходившими в мире”» [16: 3]. Провал умиротворения и трагический итог чемберленовской политической деятельности – в совокупности с тем, что имена «виновников» навсегда стали ассоциироваться с фактом сильно травмировавшим историческую память британского общества – затмили важные преобразования, осуществленные Чемберленом в сфере национальной политики, экономики, промышленности и производства.

Анализируя британскую международную политику в контексте событий 1930-х гг., Г. Маклин, автор второй биографии, изданной в 2006 г., опроверг широко распространенное в английском обществе мнение о вине в начале Второй мировой войны недальновидных и трусливых умиротворителей, потворствовавших экспансионистским амбициям нацистов. Автор полагал, что задача, стоявшая перед Чемберленом, заключалась в обращении сил фашистской Германии против коммунистической России, вызывавшей трепет у всего Запада ростом

своего идеологического и политического влияния в Восточной Европе. Личный секретарь Чемберлена Дуглас-Хоум вспоминал в 1962 г.: «Чемберлен оценивал коммунизм как главную долгосрочную угрозу. Он ненавидел Гитлера и немецкий фашизм, но чувствовал, что над Европой в целом и Британией в частности нависла огромная угроза коммунизма». Чемберлен был также уверен, что Россия предпочтет остаться в стороне от крупных международных конфликтов. Главная задача заключалась в том, чтобы оставить Россию на второстепенных ролях, не вступая с ней в непосредственное противостояние. Кроме того, Чемберлен оценивал СССР как ненадежного, плохо вооруженного, чрезвычайно ослабленного сталинскими чистками, военного союзника» [11: 82]. Очевидно, что работа, проводимая Интернационалом по экспорту революции из Советского Союза, рассматривалась западными лидерами, в особенности англичанами, как реальная угроза, которая могла подорвать государственную систему как внутри самой Великобритании, так и на территориях британских колоний. Вероятно, тот факт, что в 1930-е гг. Россия сконцентрировалась на решении внутренних проблем и выбрала путь строительства социализма в отдельно взятой стране, не внушал доверие Чемберлену. Таким образом, страх перед «красной опасностью» подтолкнул Лондон пойти на сближение с Германией, которая виделась меньшим из зол.

Линия Г. Маклина была продолжена в книге А.Д. Стедмена «Альтернативы умиротворению». Главная задача исследователя заключалась в пошаговом анализе решений, принимаемых Чемберленом на протяжении последних лет его премьерства, и попытке найти альтернативные формы выхода из кризиса. Проведя работу на основе архивных материалов и прессы предвоенных лет, историк пришел к следующему выводу: «За множеством спекуляций вокруг альтернативных вариантов развития событий теряется центральная идея политики умиротворения, которая в первую очередь была нацелена на избежание какой-либо войны. Придерживаясь принципа дипломатического баланса и учитывая влияние любой политики на место Британии на международной арене, Чемберлен не знал наверняка начнется ли война и, следовательно надеялся избежать какого бы то ни было вооруженного конфликта на территории Европы. Таким образом, он не думал, как большинство историков, о том, какая война будет лучше для Британии и ее империи, но стремился абсолютно избежать катастрофы» [17: 242].

На протяжении второй половины 2000-х гг. британскими учеными было издано несколько исследований общего характера, посвященных предвоенным международным отношениям, которые в значительной степени актуализировали идеи, высказанные историками относительно политики умиротворения еще в 1970–1980-е гг. [8]. В 2008 г. журнал «Дипломаси энд Стейткафт» посвятил целый выпуск пробле-

ме интерпретации политики умиротворения в современной британской историографии [4]. Во введении М. Рой представил историю трансформации подходов к международной политике конца 1930-х гг. в виде противостояния между ортодоксами и ревизионистами и пришел к выводу: «Наступило время, когда пора оставить в стороне дебаты и поновому взглянуть на умиротворение» [15]. В сущности, именно этому и был посвящен журнал, в который вошли статьи, указавшие вектор развития историографии на ближайшее десятилетие.

С. Астер в работе «Умиротворение: до и после ревизионизма» отметил, что существует прочная аналогия между умиротворением и современной политикой, присущая как общественным деятелям и историкам, так и обывателям: «Следует помнить, что использование аналогий не начинается и не заканчивается на Мюнхенском соглашении. Время от времени выдвигаются предположения, что обращение к умиротворению пойдет на спад по мере того, как поколение и люди, участвовавшие или выступившие свидетелями этих событий, исчезнут. Данное предположение является по меньшей мере неубедительным. Более того, в противовес мнению Майкла Говарда, что “дискуссии вокруг умиротворения окончены”, что “ученые изменили свое мнение по данному вопросу” и что историки “создают слишком много мистификаций”, мы уверены – у проблемы политики умиротворения большой потенциал в плане дальнейшего развития» [1: 469].

Не менее значимые выводы были сделаны Г.Б. Стрейнджем в статье, посвященной идеологическому аспекту предвоенной политики 1930-х гг. Автор утверждал, что на современном этапе изучения феномена умиротворения все более очевидной становится необходимость привлечь методы социальной и культурной истории: «Более детальное понимание идеологических убеждений и их интеграции в сеть структурных ограничений расширит наши представления об умиротворении и, возможно, поможет преодолеть кажущийся разрыв между ревизионистским и контр-ревизионистским подходами к интерпретации политики» [18]. Стрейндж, вероятно, понимал, что именно методологический аспект станет актуален в последующее десятилетие.

В 2011 г. под общей редакцией профессора Ливерпульского университета Ф. МакДонау в свет вышел сборник статей «Происхождение Второй мировой войны» [22], объединивший представителей разных исторических школ и направлений. Каждый автор признает влияние следующих факторов на политику Н. Чемберлена, которые трактуются как более или менее значимые в зависимости от личной позиции: Великобритания не подозревала, что амбиции Гитлера выходят за рамки территорий, исконно населенных немцами; еврейский вопрос не воспринимался политиками всерьез и оценивался как пропагандистская «утка»; экономическая нестабильность и влияние колониального во-

проса на нежелание Британии вступать в войну; изоляционизм и пацифизм; недостаточная степень подготовки вооружения; использование Мюнхенского соглашения, как отсрочки; использование Мюнхенского соглашения, как морального укора по отношению к действиям Гитлера; страх перед ростом влияния коммунистической идеологии в Европе.

В 2010-е гг. особой актуальностью в британской историографии начали пользоваться междисциплинарные исследования и использование концепций исторической и культурной памяти для анализа предвоенной международной политики. Это нашло отражение в работах таких ученых как П. Финни [5; 6; 14], С.Г. Уолкер [24] и Р.Г. Хьюэс [10].

В 2011 г. один из наиболее влиятельных специалистов по исторической памяти Второй мировой войны, профессор университета Аберистуита Патрик Финни рассмотрел интерпретацию событий предвоенных лет в семи историографических традициях (российской, немецкой, итальянской, французской, британской, американской и японской). В частности, значительное внимание было уделено политике умиротворения: «Мы не можем утверждать, что историография политики умиротворения занимает позицию столь же широко растиражированной, скандальной и выдающейся проблемы в дискурсе исторической памяти, как другие мифы о годах Второй мировой войны (отходя от обобщающих суждений, следует особо отметить «миф о Мюнхене», обладающий своей особой риторикой и статичностью в рамках международно-политического дискурса). Тем не менее, история умиротворения конца 1930-х гг. тесно переплетается с более масштабными и знаковыми событиями предвоенных и военных лет и заслуживает отдельной оценки, являясь феноменом, изучение которого представляло собой длительные размышления британцев о потере Великобританией статуса мировой державы» [6: 217]. Изучение исторической памяти нашло продолжение в сборнике под редакцией П. Финни «Помня о Второй мировой войне» [14]; в него вошли статьи историков, социологов и филологов из девяти стран, посвященные актуальным тенденциям в трактовке событий 1939–1945 гг. Подобного рода исследования свидетельствуют о том, что мировая историческая наука активно работает над поиском консенсуса по наиболее острым и дискуссионным аспектам культурного и меморативного наследия Второй мировой войны.

В отличие от концепции П. Финни, в рамках которой умиротворение рассматривается, как неотъемлемая часть памяти о военных событиях, специалист по международной политике Р.Г. Хьюэс в книге «Поствоенное наследие умиротворения. Британская международная политика с 1945 г.» предложил иной ракурс изучения проблемы. Отметив, что феномен умиротворения оказал наиболее травмирующее воздействие на восприятие Британией своего вклада в победу над фашизмом, он проанализировал влияние данного исторического опыта на

решения принимаемые правительством Великобритании в сфере мировой политики во второй половине XX – начале XXI в.: «События 1930-х гг. – то, каким образом они были представлены, означало, что все “хорошее” в умиротворении было абсолютно перечеркнуто “плохим”. Последующая дипломатическая политика Британии уже ни при каких обстоятельствах не могла признать наличие позитивного аспекта в умиротворении» [10: 19]. Исследование показало, что по мере роста напряжения на международной арене, Лондон активно стремится к принятию жестких мер по ограничению агрессии извне, таким образом происходит своего рода антирецепция политики умиротворения.

Необычное междисциплинарное исследование «Ролевая теория и когнитивная архитектура решений британских умиротворителей» было представлено политологом С.Г. Уолкером в 2013 г. [24]. Используя матричные уравнения, ученый создал теоретическую модель политики умиротворения, изображая стратегию Великобритании и действия отдельных политических деятелей в виде математических формул и схем: «Историки могут смоделировать британскую стратегию умиротворения в пределах накладываемых методологией ограничений, используя обычный язык для описания с большой долей детализации хронологию событий, мыслей и действий лидеров Британии; однако язык передает факты, в значительной степени делая акцент на конкретных понятиях, а не их генерализации. В свою очередь теоретики могут представить политику умиротворения скорее в общих, чем в конкретных понятиях, при помощи языка математики, с использованием статистических индексов и шкалы для оценивания числовых показателей решений, принимаемых британскими умиротворителями» [24: 14]. Итогом работы стала бинарная ролевая теория, которая может быть использована в качестве теоретической базы для политологических исследований.

Исследование 2016 г. Джули Готтлиб несколько выбивается из общего тренда, существующего в современной британской историографии по проблеме умиротворения, отражая более общие процессы современной гуманитарной науки. Книга «Виновицы» [7], посвященная женщинам из ближайшего окружения Чемберлена и его кабинета, восполнила существенные пробелы, существовавшие в представлении академического сообщества относительно роли женщин в предвоенных событиях. Рассмотрение международной политики через призму феминистского подхода дало возможность вскрыть прежде неизученные аспекты умиротворения. Джули Готтлиб полагает, что женщины, хотя и не принимали самостоятельных решений, но были мощной поддержкой для своих мужей и ближайших родственников, принимая деятельное участие в пропаганде пацифизма в средствах массовой информации и публичных акциях против военных действий.

За более чем 70-летнюю историю изучения истоков Второй мировой войны в британской историографии проблема интерпретации политики умиротворения конца 1930-х гг. не потеряла и, вероятно, в ближайшие годы не утратит своей актуальности. Дипломатический курс, взятый Чемберленом и его ближайшими соратниками в отношении фашистской Германии в предвоенные годы, вызывал острые дискуссии, разделяя общество на два лагеря – критиков и апологетов. В течение 1940–2000-х гг. британская историография по данной проблеме характеризовалась непрекращающимся противостоянием между ортодоксами и ревизионистами, при котором преобладающей становилась то одна, то другая концепция. В конце 2000-х гг. часть британских специалистов в области международной политики середины XX в. высказалась против критики и апологетики умиротворения в пользу поиска новых подходов к трактовке этой сложной и дискуссионной проблемы. Особо были выделены три ключевых вектора для дальнейшего развития темы: реализация междисциплинарных исследований, использование концепции исторической памяти и поиск консенсуса между различными национальными традициями.

На современном этапе наблюдается тенденция расширения и усложнения методологической базы, позволяющей раскрыть степень влияния политики умиротворения на сознание европейского общества и современную международную политику. В этом отношении важнейший вклад был осуществлен благодаря использованию концепции исторической памяти, призванной выявить и изучить сложные социальные механизмы, формирующие и трансформирующие представление нации о своем прошлом. Вторым методологическим столпом значительной части современных англоязычных исследований стала междисциплинарность, позволяющая преодолеть неизбежную ограниченность исторической науки посредством привлечения политологии, социологии, математики и других наук для решения исследовательских задач. Третьим существенным фактором является поиск консенсуса между различными национальными традициями, который сопровождается привлечением специалистов из разных стран. Можно предположить, что в ближайшем будущем указанные тенденции не потеряют своей актуальности и позволят выявить новые аспекты этой дискуссионной и политически ангажированной темы.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

1. Aster S. Appeasement: Before and After Revisionism // *Diplomacy & Statecraft*, 19, 3, 2008. Pp. 443-480.
2. *British Journal of International Studies*. Vol. 6, № 3, Oct. 1980.
3. *Crisis and controversy. Essays in Honour of A.J.P. Taylor* / ed. A. Sked, Ch. Cook. London: Macmillan, 1976.
4. *Diplomacy & Statecraft*, 19, 3, 2008.

5. Finney P. Politics and Technologies of Authenticity: the Second World War at the Close of Living Memory // *Rethinking History*. 2017. №21. Pp. 154-170.
6. Finney P. *Remembering the Road to the World War Two*. London: Routledge, 2011.
7. Gottlieb J.V. 'Guilty Women', Foreign Policy, and Appeasement in inter-war Britain. London: Palgrave, 2015.
8. Henig R. *The Origins of the Second World War*. London: Routledge, 2005.
9. Hoper W. The Origins of the Second World War by A.J.P. Taylor (Review) // *International Journal*, Vol. 18, № 1, winter 1962/1963. Pp. 119-121.
10. Hughes R.G. *The postwar Legacy of Appeasement: British Foreign Policy since 1945*. London: Bloomsbury, 2014.
11. Macklin G. *Chamberlain*. London: Haus Publishing, 2006.
12. Overy R. *The Origins of the Second World War*. London: Longman, 2008.
13. Parker R.A.C. *Churchill and Appeasement*. London: Papermac, 2001.
14. *Remembering the Second World War* / Ed. P. Finney. London: Routledge, 2018.
15. Roi M. Introduction: Appeasement: Rethinking the Policy and the Policy-Makers. *Diplomacy & Statecraft*, 19, 3, 2008. Pp. 383-390.
16. Self R. *Neville Chamberlain*. Aldershot: Ashgate, 2006.
17. Stedman A.D. *Alternatives to Appeasement*. London: Tauris, 2011.
18. Strange G.B. The Spirit of Ulysses? Ideology and British Appeasement in the 1930s. *Diplomacy & Statecraft*, 19, 3, 2008. Pp. 481-526.
19. *The Origins of the Second World War: A.J.P. Taylor and His Critics* / ed. by W.R. Louis. N.Y.: John Wiley & Sons, 1972.
20. *The Origins of the Second World War: Historical Interpretations* / ed. by E.M. Robertson. London: Palgrave, 1971.
21. *The Origins of the Second World War: the A.J.P. Taylor Debate after Twenty Five Years* / ed. by G. Martel. London: Routledge, 1986.
22. *The Origins of the Second World War. An international perspective* / Ed. F. McDonough. London: Continuum, 2011.
23. Trevor-Roper H. A.J.P. Taylor, Hitler and the War / *Encounter*, July 1961. Pp. 88-96.
24. Walker S.G. *Role of Theory and the Cognitive Architecture of British Appeasement Decisions*. London: Routledge, 2013.
25. Watt D.C. Appeasement: the Rise of a Revisionist School? // *The Political Quarterly*. Vol. 36. № 2. Pp. 191-213.

Коробицына Луиза Владимировна, аспирант кафедры Всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета; luizakorobitsyna@mail.ru

Interpretation of the appeasement policy in contemporary British historiography

This article is focused on the peculiarities of interpretations of the appeasement policy 1930s in the contemporary British historical science. It is for the first time in Russian historiography when author analyses a number of the most recent English historical studies devoted to the international policy of London in 1930s. The author came to the conclusion that there is a tendency to move from criticism and apology of appeasers' policy to the studies of the problems of historical memory, transformation and searching for consensus between different national historiographical traditions and using new interdisciplinary methods.

Keywords: British historiography, appeasement policy, N. Chamberlain, the origins of the Second World War, historical memory, guilty men conception, revisionism

Luiza Korobitsina, PhD student, The Ural State Pedagogical University; luizakorobitsyna@mail.ru